

Ему было холодно. В комнате было холодно, не разрушенная кирпичная стена не давала ледяной прохладе зимней ночи просочиться сквозь неё на его кожу. Он хотел быть где угодно, только не здесь.

— Пожалуйста, — пробормотал Элмер, и голос медленно вернулся к нему, когда он устало приоткрыл глаза: слезы и кровь настолько затуманили их, что ему не оставалось ничего другого, как зажмуриться и понемногу прочистить их.

— Пожалуйста, — снова взмолился Элмер, и толстые и громоздкие цепи на стене слабо зазвенели, пока он слабо дёргал немощными руками и лодыжками в своих обычных, но бесполезных попытках освободиться.

Его глаза полностью восстановили фокус, и тогда сквозь щели очков и мерцающую темноту комнаты он разглядел свою шапочку из плюща, которая лежала перед ним на полу вся измятая и перепачканная его собственной мочой. Она слетела с него во время предыдущей нервотрёпки, когда он проснулся и обнаружил себя в цепях.

Он любил эту кепку. Годы и годы копили деньги, чтобы получить её, но сейчас в его сердце не осталось ни единой эмоции по отношению к этому предмету одежды, ни к серой рубашке, ни к промокшим коричневым брюкам.

Всё, что оставалось в его измученном болью сердце, предназначалось ей. Они могли бы остановиться, если бы он очень постарался. Кто же откажется посочувствовать и прислушаться к мольбам тринадцатилетнего мальчишки?

Элмер облизнул губы, ища хоть капельку слез или пота, которая дала бы ему хоть немного сил продолжать, но всё, что он нашёл, было кровью, и он принял её. Этого было достаточно.

Попадая на язык и в горло, Элмер с остервенением глотал кровь, вытекавшую из порезов на его пересохших губах. И по мере того как его горло насыщал металлический привкус, который уже жил во рту, новыми порциями, к нему возвращались силы, которых он так жаждал. Теперь он мог стараться ради неё изо всех сил.

Элмер резко поднял голову, резко вдохнул, и к нему вернулось чувство слуха, утерянное из-за звонких вибраций, возникших после предыдущих ударов по лицу, но песнопения как будто никогда не прекращались.

— Хвала Азраилу. Хвала Богу Душ. Во мраке ночи мы молим Тебя. Словами людей мы взываем к Тебе. Хвала Азраилу. Хвала Богу Душ.

Это были жрецы. Четверо из них стояли на противоположных сторонах большого топчана, попарно раскинув руки, и каждый был облачён в толстые красные одежды с большими капотами, которые делали их лица невидимыми в крошечной тьме комнаты, в которой они все находились.

Двое стояли отдельно от четверых. Один был ростом со взрослого человека, а другой — с ребёнка.

Оба они сидели во главе стола, и их лица тоже были закрыты капюшонами больших плащей. Их одеяния были чёрными, а не красными, и заметить их было бы ещё труднее, если бы не четыре трехгранных канделябра золотого цвета, стоявшие на столе и мерцавшие тускло-жёлтым светом красных свечей.

А вот и она, его младшая сестра Мейбл, в простом белом платье, которое она надела для их маленького ночного побега из приюта.

Она лежала без сознания, раскинувшись на столе среди мерцающих огоньков свечей. Её длинные тёмные волосы растрепались по спине, а лицо под челкой было бледным и мрачным. Улыбки не было. Улыбки Мейбл не было.

Воздух застрял в легких Элмера. Он снова заплакал... и взмолился.

— Пожалуйста! Нет!

Священники продолжали скандировать, не обращая на него внимания. Разве они не должны были прислушиваться к мольбам такого ребенка, как он?

— Я умоляю вас! Заберите меня и оставьте Мейбл в покое. Пожалуйста.

Тело Элмера задрожало, когда он сильнее дернул за цепи, его руки раздвинулись настолько, что он даже не смог дотянуться до холодных ручников на своих кровоточащих запястьях.

Он не понимал, что происходит, почему это происходит.

Они выбрались из приюта только для того, чтобы посмотреть на паровые машины — он и Мейбл, — и вдруг он очнулся здесь, а в голове у него не было ни малейшего представления о том, что произошло, как он и его младшая сестра оказались в окружении священников.

«Как это случилось...? Почему это произошло...?»

— Возьмите меня! Возьмите меня! — предложил он. — Оставьте Мейбл в покое!

Но его никто не слушал. Элмер так сильно прикусил и без того израненные губы, что кровь потекла из них узким ручейком, сбегая к подбородку.

«Что это за Боги? Почему Мейбл должна быть принесена в жертву? Почему...?!»

Грудь Элмера вздымалась, сердце бешено стучало в ушах, а голова болезненно пульсировала.

Он ненавидел их. Он ненавидел их всех!

— Я убью вас всех.

Тело Элмера похолодело, он крепко сжал руки и подергал цепи, стараясь, чтобы его голос был достаточно громким, чтобы глупые жрецы не пропустили его. Они были презренны. Жрецы и их Бог. Все до единого.

— Если вы хоть что-нибудь сделаете Мейбл, я убью вас всех. Вы слышите меня?! Вы все умрете. Все до единого, и вы...

Слова не успели сорваться с его губ, как ещё один удар с размаху обрушился на его лицо, отправив очки на пол, а линзы разлетелись на бесчисленные осколки. И это был не кто иной, как священник в чёрном одеянии ростом с ребенка, который пришёл, чтобы набить ему морду.

Очки треснули, губы лопнули, на голове появилась рана, шапочка из плюща упала на пол — всё это было результатом ударов, полученных от этого маленького священника.

Казалось, достаточно доли секунды, и они преодолеют расстояние между столом, перед которым они стояли, и местом, где он был закован в цепи, чтобы зазвенеть в его ушах, как церковные колокола.

На этот раз удар был ещё сильнее, чем в прошлые разы, и Элмеру показалось, что, будь сила удара чуть больше, его голова могла бы оторваться от шеи.

Но, несмотря на это, он все равно резко обернулся к стоящей перед ним размытой детской фигуре и снова заголосил, слабо сжав подбородок от гнева: — Я убью вас всех... и вашего Бога тоже. Где бы он ни был, я найду его и убью. Я не пощажу никого, как бы вы ни умоляли. Никто из вас не останется в живых.

Сквозь его слова Элмер увидел, как кулак маленькой фигурки снова сжался — правда, лишь едва заметно, сквозь расфокусированные глаза. Приближался ещё один удар.

Но ему было всё равно.

Если ему придется смотреть, как Мейбл теряет себя из-за Бога, то он предпочтёт умереть. Он не мог этого вынести. Он не вынесет этого. Слезы снова побежали по его щекам. Он так много плакал, что боялся, как бы не потерять все свои слезы, но, похоже, это было не так, хотя они и не приносили ему никакой пользы.

— Не убивай его. — услышал Элмер голос, доносившийся от стола, за которым лежала его младшая сестра, и это вернуло его мысли к открывшемуся перед ним пейзажу. Наконец-то песнопения прекратились.

— Он не хочет его смерти.

Это был глубокий мужской голос, пронизанный рыцарским духом, и исходил он от другого священника в чёрном одеянии. Элмер не преминул отметить этот голос в своей голове. Он не мог забыть об этом голосе. Если они не убьют его здесь, то он найдет каждого из них и заставит заплатить.

Слеза крови из пореза на лбу попала ему в глаз, заставив Элмера моргнуть лишь на секунду, но этого времени хватило, чтобы маленький священник в чёрном одеянии вновь занял место во главе стола.

Священник в чёрной мантии что-то пробормотал малышу и через мгновение, зарывшись рукой в мантию, достал кубок — тёмно-золотистый, с замысловатыми узорами, похожими на усики, от которых у Элмера по коже побежали ледяные мурашки.

— Что ты делаешь? — загремел Элмер цепями, призывая жреца, когда увидел, как тот достал из-под своей мантии кортик с такими же узорами на рукоятке, как у кубка, и протянул его священнику в чёрном одеянии.

— Не трогай Мейбл этой штукой. Не трогай Мейбл этой штукой. Я убью тебя, слышишь?

Он сжал запястья, окрасив холодные наручники в красный цвет своей крови, когда напряг свои маленькие мышцы и с силой потянул за цепи.

— Оставьте Мейбл в покое. Оставьте мою сестру в покое!

Священник в чёрном одеянии вонзил острие кортика в своё запястье, давая возможность капельке крови выйти из его тела в кубок. Элмер расслабился, видя, что ни одна из зловещих тварей не прикасается к Мейбл, но в глубине души он знал, что на этом всё не закончится.

Его голос надломился.

— Мы просто деревенские сироты. Твоему Богу мы не нужны. Это должно быть ошибкой. Просто отпусти меня, я отвезу её обратно в приют, и мы больше никогда не расстанемся. А? Как это? Мы будем хорошими детьми.

Священники ничего не сказали, и Элмер в досаде стиснул зубы.

— Скажите что-нибудь! Просто скажите что-нибудь!

И тогда они сказали, по крайней мере, священник в чёрном одеянии, но не то, что он хотел услышать.

— В черноте ночи оживает Пантеон душ. В этом Пантеоне восседает Азраил, Бог Душ. Мы воспели Тебе хвалу. Прислушайся к нашим призывам, и эту душу мы предложим тебе взамен.

По коже Элмера внезапно пробежал холодок, которого он никогда прежде не испытывал, словно орда тараканов в темноте замкнутого пространства, снующих туда-сюда при малейшем признаке света.

«Душа...?»

Руки Элмера опустились. Они собираются принести в жертву душу Мейбл...?

Священник в чёрном одеянии погрузил указательные пальцы в кубок и кровью нарисовал на лбу Мейбл нечто вроде гребня.

Элмер словно заново потерял дар речи. Он мог лишь наблюдать за тем, как его сестра отдаётся на растерзание страшному Богу Душ.

Жрецы снова заговорили теми же словами, что и в самом начале, но Элмер уже не слышал их так отчетливо. Боль притупила его слух.

Он собирался потерять её. Он собирался потерять Мейбл. Неужели он так и будет стоять здесь на коленях и смотреть, как она умирает? Но что он мог сделать?

Внезапно пламя свечи замерцало с необычайной силой, заставляя песнопения священников подстраиваться под его ритм. С каждым вздрагиванием огня песнопения становились громче, нервнее предыдущих. Элмер больше не мог этого выносить.

— Мейбл... — пробормотал он. — Мне так жаль, Мейбл. Это всё моя вина.

Мрачный и угрюмый, с разбитыми линзами очков, Элмер сделал единственное, что мог сделать: надеяться.

Может быть, случится чудо, и вместо него умрет священник, а не Мейбл. Может быть... Он скрежетнул зубами, и слабый след надежды, промелькнувший в его сознании, тут же исчез.

Глупо было ожидать чудес. Те, кто их совершал, пытались отнять у него сестру. Здесь же его не ждали никакие чудеса. Он не мог на них надеяться.

Песнопения стихли, когда под потолком комнаты появился тёмный, густой дым, наполнивший все её уголки тревожным предчувствием. Потом он увидел её и второй раз в жизни пожелал смерти.

Мейбл яростно тряслась на столе, корчась и скуля, как крыса, которую накормили ядом и которая борется за выживание. Она визжала, рычала, царапала стол, но, несмотря на всё это, ни разу не прикоснулась к окружавшим её канделябрам. Словно они были её клеткой — огненной клеткой, к которой она не смела прикоснуться, иначе сгорела бы.

Элмер не видел ничего подобного.

Кровь стекала по глазам сестры в виде слез. Ей было больно, но он ничего не мог сделать. Его рот был широко открыт, но голос пропал. И он не мог остановить себя, чтобы не смотреть.

Прошли секунды, затем минуты, и через некоторое время Мейбл резко перестала дрожать.

«Неужели все закончилось...?» — подумал Элмер. Жива ли его сестра? Неужели они забрали её душу? Ему хотелось верить, что все закончилось и сестра жива, но дымный туман, который по-прежнему висел над ними, и жуткое чувство, от которого он не мог отделаться, не позволяли ему думать об этом.

Что-то приближалось. Что-то ещё должно было произойти, и, похоже, жрецы тоже разделяли его мысли: все они молча стояли и ждали.

Мейбл вдруг выгнулась дугой, её грудь поднялась, приняв форму полумесяца, и из этой странной позы вырвался резкий, болезненный вздох.

Сердце Элмера сжалось.

Он снова яростно дёрнул цепи, с силой натягивая их в такой безумной манере, что сам стал похож на бешеную собаку. Но ничто из того, что он делал с цепями, не помогало ему освободиться.

Когда он нехотя потянул за них в последний раз, из узких карих глаз потекли слезы, которые нельзя было назвать иначе как жалкими. И тут... Рот Мейбл широко раскрылся, и из него вырвался чёрный туман.

У Элмера перехватило дыхание, когда он увидел, как туман поднимается вверх, превращаясь в темный дымчатый туман, покрывающий потолок комнаты, а безжизненное тело его сестры с грохотом падает обратно на стол после того, как оно полностью исчезло.

«Мейбл...?» — хотел сказать Элмер, но не смог.

Он смотрел, как туман медленно принимает форму его младшей сестры, но в нём не было ничего от её тепла. Он был холодным и тёмным, а потом повернулся и посмотрел на него. Мрачный и угрюмый туман в силуэте его сестры. У него не было лица, но он мог видеть его выражение. В его облике читались боль, печаль и... гнев.

Элмер почувствовал резкий толчок в сердце. Гнев? Почему? Мейбл злилась на него. Ее душа злилась на него. В конце концов, это была его вина. Действительно виноват. Как ему теперь жить с самим собой? Он никак не мог жить дальше. Это было...

«Нет...!» — твердил про себя Элмер, его тело содрогалось в приступе ярости, зубы стучали друг

о друга, а лицо исказилось в маску, сильно перекошенную от страдания и ненависти.

Он быстро отвел глаза от ледящей душу Мейбл и устремил их на жрецов, которые решили возобновить песнопения.

Блеск мести, окрасивший его глаза, предназначался не сестре, а им.

Это они во всем виноваты. Они так поступили с ней, с его сестрой. Она злилась не на него, а на них. И он позаботится о том, чтобы они все пострадали за это. Он убьет их всех, медленно.

<http://tl.rulate.ru/book/104179/3639570>